

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ / THEORY AND METHODOLOGY

Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120028043-8

Виноградов Андрей Владимирович

Доктор политических наук, руководитель Центра изучения современного Китая Института востоковедения РАН (адрес: Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.09.2023.

Аннотация:

Стратегия экономического развития Китая с начала реформ была нацелена на встраивание в существующий международный экономический порядок и установление тесного сотрудничества, в первую очередь с развитыми странами. Китай смог эффективно использовать открывшиеся возможности экономической глобализации и превратился во вторую экономику мира, невольно бросив вызов международному порядку, сложившемуся после распада bipolarной системы. Расширение и углубление торгово-экономических связей с большинством стран мира и независимая внешняя политика привели, с одной стороны, к усилению напряженности в отношениях Китая и США, с другой — к росту поддержки КНР со стороны развивающихся стран. В результате экономических кризисов и политики сдерживания Китая международный порядок, основанный преимущественно на экономических связях, начал разрушаться и заменяться геополитическим. Период взаимоотношений Китая с внешним миром, начавшийся с опиумных войн, подошел к концу. Из важнейшего источника развития, обеспечившего успех модернизации и открывшего путь к «мечте о великом возрождении», внешний мир превращается для Китая в источник главных вызовов и угроз. В условиях роста международной напряженности и возобновления конфронтации Восток — Запад меняется характер отношений Китая с внешним миром, начинается новый исторический цикл взаимоотношений и новый этап развития страны.

Ключевые слова:

Геополитика, геоэкономика, Китай, внешний мир, внешняя политика, многополярность, XX съезд КПК.

Источники финансирования:

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда (проект № 19-18-00142-П).

Для цитирования:

Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043-8.

Формировавшаяся в Китае на протяжении 40 лет реформ социально-экономическая модель ориентировалась на высокий уровень интеграции в мировую экономику. В результате в мире сложилась устойчивая система разделения труда, в которой за Китаем закрепилась роль мировой фабрики. Рост благосостояния населения и стоимости рабочей силы неизбежно вел к снижению конкурентных преимуществ Китая на внешней арене, создавая при этом условия для роста внутреннего потребления. Эта тенденция в завершенном виде оформилась на рубеже 2010-х гг. и совпала с его превращением во вторую экономику мира.

Поддержание высоких темпов роста в этих условиях было возможно как экстенсивно — по пути расширения внешних рынков и увеличения внутреннего потребления, так и интенсивно — за счет инноваций, которые, по словам Си Цзиньпина, придут

на смену факторам производства и инвестициям¹. Однако этот способ зависел от ряда обстоятельств, в т.ч. от уровня сотрудничества и конкуренции с развитыми странами, и в целом был не таким быстрым и надежным, как традиционные. Очевидным направлением дальнейшего развития выглядело сохранение действующей модели и места Китая в глобальных производственных цепочках при постоянном расширении внутреннего и внешнего рынков.

Кризис 2008 г. показал ненадежность внешнего мира в качестве основного источника развития и подтолкнул Китай к более деятельной поддержке экономической глобализации. Помимо развитых стран объектом его экономической активности постепенно становились развивающиеся страны. Используя накопленный потенциал и более высокое положение в производственных цепочках, Китай был готов закупать у них сырье, строить транспортную инфраструктуру и перемещать избыточные производственные мощности. В 2013 г. Си Цзиньпин последовательно провозгласил две инициативы — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП), которые должны были связать внутренние районы Китая и соседние страны². Строительство сухопутных и морских маршрутов способствовало не только экономическому развитию Центрального и Западного Китая (на которые приходилось более 80 % территории, 60 % населения и менее трети ВВП страны, что делало их наиболее перспективными для расширения внутреннего рынка) и росту товарооборота с Европой, но и формированию новых рынков на евразийском пространстве, в первую очередь в соседних развивающихся странах.

В начале 2010-х гг. кризис глобализации получил продолжение в еще одной неблагоприятной тенденции. Если на протяжении длительного времени темпы роста мировой торговли превышали темпы роста мирового ВВП, то после кризиса 2008 г. они упали в 4 раза³. В 2015–2016 гг. темпы ее роста снизились до 1,5 % (по сравнению с 7 % до 2008 г.), что, в свою очередь, замедлило рост мировой экономики до менее 2,5 %⁴. Глобальное замедление в 2014 г. получило наименование «новая нормальность»⁵. В том же году Си Цзиньпин использовал это понятие применительно к китайской экономике⁶, подтвердив тем самым решающее значение внешнего мира для экономического развития страны. Прямым следствием этого вывода стал новый импульс к развитию «Пояса и пути»: проект объединил ЭПШП и МШП, приобрел трансрегиональный характер, был дополнен соответствующей финансовой инфраструктурой (АБИИ, Фондом Шёлкового пу-

¹ 习近平首次系统阐述“新常态” [Си Цзиньпин впервые системно изложил «новую нормальность»] // 新华社. 09.11.2014. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-11/09/c_1113175964.htm (дата обращения: 18.08.2023).

² По словам Ли Кэцзяна, «Морской Шёлковый путь» должен способствовать развитию сотрудничества Китая и АСЕАН и «создать стратегическую точку развития внутренних районов». См.: 李克强强调: 铺就面向东盟的海上丝绸之路 [Ли Кэцзян подчеркнул: «Прокладываемый Морской Шёлковый путь к АСЕАН»] // 中央人民政府门户网站. 04.09.2013. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-09/04/content_2481290.htm (дата обращения: 18.08.2023).

³ UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 18.08.2023).

⁴ ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии, 2016 год. Структурная трансформация в интересах всеохватного и устойчивого роста // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2016_ru.pdf (дата обращения: 18.08.2023).

⁵ 国际货币基金组织总裁拉加德: 世界经济或进入“新平庸时代” [Директор-распорядитель МВФ Лагард: мировая экономика может войти в период «новой посредственности»] // 领导决策信息. 2014年. 第42期. 第17页.

⁶ 习近平首次系统阐述“新常态” [Си Цзиньпин впервые системно изложил «новую нормальность»] // 新华社. 09.11.2014. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-11/09/c_1113175964.htm (дата обращения: 18.08.2023).

ти и др.), международными форумами «Пояса и пути» и т.д.⁷ Китай уже не просто встраивался в глобальную экономику, а искал новые способы взаимодействия с миром для обеспечения своего роста. Тогда же, в 2015 г., была принята программа «Сделано в Китае 2025», ориентированная на инновационное развитие, уменьшение зависимости от иностранных технологий и достижение технологического суверенитета⁸.

В завершённом виде модель, сочетающая рост внешнего и внутреннего потребления, в 2020 г. получила оформление в концепции «двойной циркуляции»⁹. Опе­режающие темпы увеличения товарооборота со странами, участвующими в инициати­ве «Пояс и путь», и высокие по мировым меркам темпы роста самого Китая подтвер­ждали эффективность избранной стратегии. Все принятые меры должны были обеспе­чить адаптацию китайской экономики к «новой нормальности», сохранить высокие темпы роста и способствовать повышению комплексной государственной мощи, как абсолютной, так и относительно США.

Став в результате реформ частью международного сообщества, Китай использо­вал общемировые тенденции и постоянно расширял масштаб и формы взаимодействия с внешним миром. Глобализация, одним из главных локомотивов которой стал Китай, соз­дала исключительно благоприятную среду для осуществления «китайской мечты о вели­ком возрождении». Между тем в мире нарастали «невиданные за 100 лет» изменения, оказывающие мощное влияние на китайскую экономику. В этих условиях XX съезд КПК (2022 г.) должен был уточнить представления о роли внешнего мира, сыгравшего ключевую роль в модернизации, месте в нем Китая и характере их взаимодействия.

Геоэкономика в истории китайских реформ

Открытость внешнему миру предшествовала и в известной степени предопреде­лила рыночный характер китайских реформ. После десятилетий «примыкания к одному лагерю» и борьбы с гегемонизмом Китай постепенно со второй половины 1970-х гг. на­чал освобождаться от принципов классовой солидарности в международных отношениях и встраиваться во внешний мир на правах рядового члена. Новая внешнеполитическая стратегия была закреплена на XII съезде КПК, который перенес центр тяжести работы партии на создание благоприятных внешних условий для осуществления модерниза­ции¹⁰. В 1984 г. Дэн Сяопин определил, что основными тенденциями международной об­становки являются мир и развитие¹¹. Согласно этой теории, между Востоком и Западом начался процесс установления мира, а между Севером и Югом — сотрудничества и раз­вития. Китай принял решение не вступать в блоки и сохранять равноудаленность от сверхдержав Востока и Запада, т.е. устранился от участия в политической борьбе на ми­ровой арене и постепенно стал смещать фокус внимания с развивающихся стран, на солидарность с которыми ориентировала «теория трех миров», на развитие, выступавшие

⁷ Виноградов А.В. Китайский проект для Большой Евразии // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 1. С. 1–15.

⁸ 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 [Уведомление Государственного совета о публикации «Сделано в Китае — 2025»] // *中国政府网.政务* URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения 20.08.2023).

⁹ Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 48–60. DOI: 10.31857/S013128120015120-3

¹⁰ 胡耀邦在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告 [Полный текст доклада Ху Яобана на XII съезде КПК] // *中国共产党历次全国代表大会数据库*. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4526430.html> (дата обращения: 08.02.2023).

¹¹ 邓小平文选 [Собрание избранных сочинений Дэн Сяопина]. 第3卷. 北京. 1993年. 第150–153页.

в качестве важнейшего источника экономического роста. Начавшиеся в мире изменения способствовали реализации этого курса.

Внешнеполитическая стратегия КНР была полностью подчинена задачам экономического развития и не имела геополитической составляющей. В декабре 1990 г. Дэн Сяопин в этой связи заявил: «Некоторые страны третьего мира хотят, чтобы Китай был лидером. <...> Мы не можем себе позволить быть лидером, наших сил недостаточно. Китай никогда не будет лидером»¹².

В период распада биполярности в Китае активно обсуждались изменения, которые нарушали исходные положения теории Дэн Сяопина, в частности деление на Восток и Запад. В итоге руководством страны был сделан вывод, что «международный климат бросает вызовы», но одновременно дает шансы, задача Китая ими воспользоваться. Дэн Сяопин, к тому моменту уже высказавшийся в поддержку рыночного характера социально-экономических преобразований, предложил соответствующий эпохе и целям Китая новый внешнеполитический курс — «хладнокровно наблюдать, укреплять позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности, выигрывая время, не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером, делать конкретные дела»¹³, т.е. не пугать Запад перспективой появления нового конкурента и глобальной конфронтации, а сосредоточиться на укреплении экономических связей.

Наказы Дэн Сяопина не получили доктринального статуса, как это произошло с положением о социалистической рыночной экономике. Новый внешнеполитический курс был оформлен на XIV съезде (1992 г.) по умолчанию — международный раздел в докладе ЦК отсутствовал. Тогда же без публичных дискуссий из Устава КПК исчез принцип «пролетарского интернационализма», сохранявшийся с периода борьбы социализма с капитализмом и явно неуместный в период «мира и развития».

Изяв положение о «пролетарском интернационализме», КПК фактически ликвидировала политико-идеологическую основу своей внешней политики, что полностью соответствовало прагматичному курсу реформ. Отказ от него позволил сформулировать новую цель — повышение совокупной мощи государства. В атмосфере успехов социально-экономического развития теоретическая неопределенность внешней политики вполне компенсировалась ясным пониманием стратегических целей. На официальном уровне этот курс пересмотрен не был: на протяжении двух десятилетий Китай планомерно увеличивал свою роль в мировой экономике и старался держаться в стороне от геополитики.

Оставаясь в системе Север — Юг, внешнеполитическая доктрина Китая постепенно была приведена в соответствие с новой реальностью. На XVI съезде КПК (2002 г.) впервые была выстроена новая система приоритетов — великие державы, сопредельные государства, развивающиеся страны, многосторонняя дипломатия, которая стала канонической и повторялась до XX съезда включительно.

В начале XXI в. новое поколение руководителей во главе с Ху Цзиньтао приняло попытку заполнить пробел в идейно-теоретической доктрине КПК, предложив концепцию «мирного возвышения», которая не противоречила выводу об «эпохе мира и развития», но, являясь ее практическим воплощением, делала акцент на повышении субъектности Китая.

Поводом для ее выдвижения стали достижения Китая в экономике и на международной арене. Успешное прохождение Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и участие в форматах АСЕАН+ укрепило позиции Китая в Восточной Азии, а создание

¹² 邓小平文选 [Собрание избранных сочинений Дэн Сяопина]. 第3卷. 北京. 1993年. 第157页.

¹³ 祁怀高. 新中国70年周边多边外交的历程, 特点与挑战 [Ци Хуайгао. История, особенности и вызовы многосторонней дипломатии Нового Китая за последние 70 лет] // 世界经济与政治. 2019年. 第6期. 第33页.

ШОС обеспечило стабильность в Центральной Евразии¹⁴. После вступления в ВТО (2001 г.) Китай стал полноправным членом мирового экономического сообщества. Однако, несмотря на расширение своего участия в международных организациях, в большинстве случаев он по-прежнему не играл в них ведущей роли и не являлся разработчиком международной повестки¹⁵. В этой связи в китайском экспертном сообществе стала обсуждаться судьба заветов Дэн Сяопина и возможная смена внешнеполитической парадигмы — приведение ее в соответствие с изменившимся местом страны в мире. КНР больше не собиралась «хладнокровно наблюдать» и «оставаться в тени»¹⁶.

Негативная реакция за рубежом на инициативу «мирного возвышения», озвученную Чжэн Бицзянем¹⁷, подтвердила обоснованность опасений Дэн Сяопина и очень быстро заставила заменить «возвышение» на «развитие», иначе говоря, политический дискурс вновь сменить экономическим. Выдвинутая и вскоре официально утвержденная на XVII съезде концепция «гармоничного мира»¹⁸ не противоречила идее возвышения Китая, но переносила акцент с его политических амбиций на региональное и глобальное сотрудничество. В итоге был сделан вывод о том, что международное положение Китая является результатом правильной внешнеполитической стратегии, менять ее не нужно, поскольку она полностью соответствует текущей «эпохе мира и развития». Придерживаясь этой стратегии, Китай успешно преодолевал все кризисы конца XX — начала XXI в.

Нараставшие в мире все это время факторы нестабильности затрагивали Китай лишь косвенно, что препятствовало их объективной оценке. Так, в период конфликта в Южной Осетии Китай принимал Олимпиаду-2008; после мирового финансового кризиса он вышел на второе место по ВВП; возвращение Крыма в 2014 г. не было воспринято КНР как отражение непреодолимой тенденции к геополитическому расколу; даже выход США из ТТП в 2017 г. был воспринят как еще один шанс — возглавить восточно-азиатскую интеграцию и поддержать глобальную. На середину 2010-х гг. пришелся выход Китая на первое место по паритету покупательной способности, а также окончательное оформление и институализация инициативы «Пояс и путь». К 2017 г. все указывало на то, что Китай нашел алгоритм безграничного успешного развития — через глобальное экономическое сотрудничество.

Накануне XIX съезда КПК (2017 г.) созрели предпосылки для того, чтобы предложить новую концептуализацию целей и путей развития, отражавшую место Китая в

¹⁴ Азиатский поворот в российской внешней политике. Достижения, проблемы и перспективы / под ред. А. Торкунова, Д. Стрельцова, Е. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 27.

¹⁵ 李铁城. 世纪之交的联合国 [Ли Течэн. Организация Объединенных Наций на рубеже веков] // 北京. 2002年. 第212页.

¹⁶ См., напр.: 叶自成. 关于韬光养晦和有所作为—再谈中国的大国心态 [Е Цзычэн. О стратегиях «держаться в тени» и «заниматься реальной работой» — еще один взгляд на менталитет великой державы Китая] // 太平洋学报. 2002年. 第1期. 第62–66页; 王岷生. 中国“韬光养晦”战略的再思考 [Ван Юйшэн. Переосмысление китайской стратегии «держаться в тени»] // 环球. 2004年. 第7期; 焦兵. 中国外交新思维:从“韬光养晦”到“有所作为” [Цзяо Бин. Новое дипломатическое мышление Китая: от «держаться в тени» к «заниматься реальной работой»] // 湖北社会科学. 2005年. 第10期. 第101–103页; 张辉. 论“韬光养晦”战略与中国和平崛起 [Чжан Хуй. О стратегии «держаться в тени» и мирном возвышении Китая] // 东南亚之窗. 2010年. 第2期. 第37–43页; 刘春红. “韬光养晦, 有所作为”战略方针研究综述 [Лю Чуньхун. Обобщая исследования, посвященные стратегии «держаться в тени»] // 新远见. 2012年. 第6期. 第36–40页.

¹⁷ Ломанова А. На пути к «мирному возвышению» // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 6. С. 204–209.

¹⁸ 胡锦涛在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告(全文) [Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (полный текст)] // 中国共产党新闻网. 25.10.2007. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/104019/104101/6429414.html> (дата обращения: 08.02.2023).

современном мире. Однако съезд, выдвинув «теорию Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» и провозгласив целью превращение Китая в ведущую державу мира к 2049 г., оставил внешнюю политику без специального внимания и в известной степени повторил алгоритм XIV съезда и наказов Дэн Сяопина. В июне 2018 г. на рабочем совещании ЦК по международным делам было утверждено руководящее значение идей Си Цзиньпина о внешней политике¹⁹, которые были признаны составной частью «теории социализма с китайской спецификой новой эпохи», но не были интегрированы в ее корпус и существовали как бы в стороне, обособленно.

Несмотря на некоторое снижение темпов роста, Китай в этот период сохранял общую позитивную динамику и надежду на национальное возрождение в результате завершения социалистической модернизации. Не удивительно, что и новая партийная доктрина не затронула принципиальный вывод о характере международной эпохи, внешний мир по-прежнему играл в ней позитивную роль. В этом отношении съезд фактически повторял оценки и выводы XII съезда КПК и теории «мира и развития».

Очевидное несоответствие между высоким уровнем концептуализации экономических и внутривластных построений в теории Си Цзиньпина и отсутствием новой внешнеполитической стратегии можно объяснить не только желанием не привлекать внимание к амбициям Китая, как завещал Дэн Сяопин. Главная причина заключалась в том, что внешнеполитический курс подтвердил свою эффективность. Несмотря на потрясения, внешний мир по-прежнему воспринимался комфортной средой для роста, развития, усиления и возрождения Китая. Сыграл свою роль и марксистский характер идейно-теоретической доктрины КПК, в которой теория международных отношений имела подчиненный характер, являясь лишь составной частью марксистской мироустроительной концепции²⁰. Из отсутствия новой характеристики международной эпохи следовало, что провозглашенная на съезде «новая эпоха» относится к развитию Китая, а не мира.

Период стратегической неопределенности

С начала реформ существенно изменились место и роль Китая в мировой экономике, независимая внешняя политика вела к росту субъектности и требовала привести международный статус страны в соответствие с ее реальной экономической мощью. Изменение фактического статуса Китая можно проследить в документах КПК. До избрания Си Цзиньпина генеральным секретарем Китай считался развивающейся страной. В докладах на XVI и XVII съездах КПК по 2 раза говорилось о том, что Китай — развивающаяся страна. На XVIII съезде Китай был назван не только самой большой развивающейся страной, но и «ответственной великой державой», что указывало на повышение международного статуса КНР. В 2013 г. появилось понятие «дипломатия крупной державы с китайской спецификой», что означало в первую очередь выстраивание отношений нового типа между великими державами. На XIX съезде статус самой большой развивающейся державы сохранился, однако 5 раз говорилось о развитии отношений с развивающимися странами и уже 7 раз — с великими державами²¹.

¹⁹ 张清敏. 二十大以后的中国外交: 理解与思考 [Чжан Цинмин. Китайская дипломатия после XX съезда: понимание и размышления] // 外交评论. 2022年. 第6期. 第5页; Основные положения идей Си Цзиньпина о внешней политике см.: Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 3. Пекин, 2021. С. 630–635.

²⁰ Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 29.

²¹ 张清敏. 二十大以后的中国外交: 理解与思考 [Чжан Цинмин. Китайская дипломатия после XX съезда: понимание и размышления] // 外交评论. 2022年. 第6期. 第9页.

Рост активности на внешней арене соответствовал экономическому потенциалу Китая и его желанию сохранить глобализацию в качестве важнейшего источника своего развития, что нашло отражение в сформулированной в 2017 г. Си Цзиньпином инициативе глобального управления (*全球治理观*)²². Но то, что для Китая было максимизацией использования внешнего мира для собственного развития, в мире воспринималось как несдерживаемая экспансия. Втягиваясь в решение вопросов глобального управления в интересах стабильного экономического развития, он неизбежно вступал в конкуренцию и соперничество с США.

Одновременно нарастало противоречие между интересами внутреннего развития, доминировавшими в наказах Дэн Сяопина, и реальностью, в которой внешняя политика, являясь важнейшим источником экономической и государственной мощи, предполагала высокую активность, но и высокие риски. Китаю становилось все сложнее противостоять объективной тенденции конвертировать экономический потенциал в международно-политическое влияние. Мир геоэкономики, в котором Китай чувствовал себя комфортно, разрушался.

Все более активно подвергая критике особое положение США и выступая в качестве главной ревизионистской державы, в оценке характера эпохи Китай тем не менее занимал консервативные позиции. Получив от открытости наиболее высокие дивиденды, он не смог своевременно уловить и признать нарастание другой тенденции, хорошо заметной тем, кто испытал ее негативное воздействие.

Китай достиг наивысшей точки своего развития и международного влияния за последние 200 лет, был уверен в своих силах и способности самостоятельно решать возникающие проблемы. Свидетельством его возросшей субъектности стало исчезновение из доклада XIX съезду упоминаний о ШОС и БРИКС и появление в нем китайских инициатив «Пояс и путь» и «Сообщество единой судьбы», которые после закрепления в Уставе КПК и Конституции КНР получили высший идейно-теоретический статус, сменив в этом качестве принцип «пролетарского интернационализма». Во внешнеполитический дискурс были введены и другие понятия — «китайская мечта», «мировая мечта» и «новый интернационализм» (*中国梦, 世界梦与新国际主义*)²³. С 2017 г. КПК начала проводить диалоги с политическими партиями стран мира, напоминающие Совещания коммунистических и рабочих партий советского периода²⁴. Китай примерял на себя роль не только экономического лидера.

Изменилось не только самовосприятие Китая. США, обладающие богатым опытом глобального противостояния, в 2018 г. официально признали Китай главным стратегическим соперником и в качестве первого практического шага нового этапа двусторонних отношений объявили ему торговую войну.

За 5 лет после XIX съезда произошли существенные изменения не только в отношении Китая к миру, но и в отношениях мира с Китаем: возрождение Quad (2017 г.), торговая война с США (с начала 2018 г.), массовые выступления в Гонконге (2019 г.), создание блока AUKUS (2021 г.), запрет США на сотрудничество с Китаем в передовых

22 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде КПК] // 中华人民共和国中央人民政府. 27.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 01.07.2023).

23 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде КПК] // 中华人民共和国中央人民政府. 27.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 01.07.2023).

24 Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 7–19. DOI: 10.31857/S013128120026884-3

цифровых технологиях и микрочипах (2022 г., закон CHIPS²⁵), рост напряженности в отношениях с Индией (2022 г., первые с 1967 г. жертвы в пограничных столкновениях) и Японией, создание Partners in the Blue Pacific (2022 г.) и т.д. Ситуацию усугубляли рост напряженности в мире в целом, особенно между Россией и Западом, возрождавший противостояние Восток-Запад, а также последствия COVID-19. Если на протяжении всего периода реформ внешний мир выступал решающим фактором роста, а Китай находил ответы на вызовы времени и в силу своих размеров и избранной стратегии добился выдающихся результатов, то после 2017 г. внешний мир стал превращаться в фактор нестабильности и источник угроз, возрождая и усиливая геополитический дискурс.

В 2022 г. США официально признали, что Китай больше не является развивающейся страной. Вместе с этим формально исчезло деление Север-Юг с участием Китая, выталкивая его в возрождающееся противостояние Восток-Запад в качестве нового центра силы и притяжения. Внешнеполитическая стратегия, изложенная в наказах Дэн Сяопина, больше не соответствовала картине мира. Наметились признаки новой биполярности²⁶. Не замечать новых тенденций Китай не мог.

Чем выше Китай поднимался в мировой иерархии, тем с большим количеством проблем он сталкивался — не только с проблемами роста, которым научился находить решение, используя сотрудничество с внешним миром, но и с прямым противодействием, ответ на которое требовал других навыков и инструментов.

Место мировой фабрики делало Китай зависимым от источников сырья, технологий и рынков сбыта. Обострение отношений с Западом показало уязвимость этой модели, но Китай заблаговременно позаботился о создании новых рынков. Если заинтересованность в дешевых китайских товарах сдерживала Запад от разрыва торгово-экономических связей, то в области инноваций и высоких технологий Китай был практически беззащитен. Помешать экономическому росту, учитывая место КНР в мировой экономике, Запад уже не мог, но сдержать ее развитие казалось еще возможным. Перед Китаем открылась перспектива застрять в истории в роли индустриального гиганта — показателя развитости XIX в., но не XXI в.

Не менее важную роль в поиске новой стратегии играли предварительные итоги обновления экономической модели. Усилия по расширению внутреннего потребления в рамках «двойной циркуляции» не обеспечивали надежного поддержания темпов роста, более трети ВВП по-прежнему было связано с внешними рынками²⁷. В июне 2023 г. вступило в силу соглашение о ВРЭП, по оценкам, выгодное прежде всего для КНР²⁸. Стремясь поддержать экономическую глобализацию, Китай, как и в начале реформ, наряду с проектами международного экономического сотрудничества принял дополнительные меры для привлечения иностранных инвестиций²⁹ и продолжил геэкономический дискурс внешней политики.

²⁵ ‘An Act of War’: Inside America’s Silicon Blockade Against China // *The New York Times*. July 12, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/07/12/magazine/semiconductor-chips-us-china.html> (дата обращения: 28.08.2023).

²⁶ О взглядах китайских ученых на эту проблему см.: Шарипов Ф.Ф., Тимофеев О.А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2

²⁷ Островский А.В. Экономика КНР: новые горизонты развития в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 41–54. DOI: 10.31857/S013128120025334–8

²⁸ Petri P.A., Plummer M.G. East Asia Decouples from the United States: Trade War, COVID-19, and East Asia's New Trade Blocs. Peterson Institute for International Economics. Working Paper. June 2020. P. 4, 22.

²⁹ Виноградов А.В., Троцинский П.В. На пути к новой формуле власти (Первая сессия ВСНП 14-го созыва 2023 г.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023 № 3. С. 7–23. DOI: 10.31857/S013128120026061–8

Однако по состоянию на 2023 г. результативность этих мер оказалась недостаточно высокой: экономика росла медленно (3 % в 2022 г. вместо 5,5 % по плану), внешняя торговля испытывала проблемы³⁰. Перед Китаем, как и в начале реформ, возникла историческая по масштабу задача, 10 лет назад которую трудно было представить, — выработать новую стратегию в отношении внешнего мира.

XX съезд КПК (2022 г.) уже не упоминал о нарастании процессов глобализации экономики и взаимозависимости государств. Впервые после XIII съезда «мир и развитие» не назывались основной тенденцией современности, появилась новая формулировка: «мир и развитие, сотрудничество и всеобщий выигрыш стали неустойчивыми историческими веяниями, эти общие чаяния народов и основной тренд развития непременно ведут человечество к светлому будущему. С другой стороны, притеснение слабых, насильственное ограбление, игра с нулевой суммой и другие формы гегемонии, деспотизма и травмы причиняют миру огромный вред, усугубляются дефицит мира, дефицит развития, дефицит безопасности и дефицит управления»³¹. Если в докладах с XVI по XIX съезд присутствовало указание на период стратегических возможностей и блестящие перспективы, то на XX съезде уже говорилось, что человечество стоит перед лицом невиданных вызовов, Китай вошел в период сосуществования возможностей и опасностей, необходимо готовиться к серьезным потрясениям³². Несмотря на все эти принципиальные изменения, съезд так и не смог окончательно определиться с основной тенденцией мирового развития. Из периода шансов и «блестящих перспектив» Китай вошел в период стратегической неопределенности, «в эпоху великих противоречий»³³.

Отсутствие новых концептуальных построений в документах съезда можно объяснить туманными перспективами развития международной ситуации, которые усиливались прагматическими соображениями руководства КПК. Решив к 100-летию КПК в 2021 г. проблему бедности внутри страны, Китай по-прежнему был не готов взвалить на себя бремя великой державы. КПК не стала излагать идеологически верную, но экономически вредную позицию о переходе мира в состояние конфронтации и конфликтов, потому что без «мира и развития» невозможно обеспечить условия для «великого возрождения китайской нации»³⁴. В итоге XX съезд отложил «заявку на участие» в глобальном противостоянии в качестве основного субъекта, но не отказался окончательно, а взял паузу.

Санкции США стали одним из факторов разрушения глобального экономического порядка — мира геэкономике — и ускорили движение Китая от наказов Дэн Сяопина к миру геополитики. В отличие от порядка геэкономике, управляемого рыночными законами взаимной выгоды, порядок геополитики устанавливается и поддерживается в результате борьбы. В 1990–2000-е гг. геэкономический порядок доминировал в мире

³⁰ Китайский экспорт снизился в июне 2023 г. на 12 % из-за низкого спроса в развитых странах и АСЕАН, см.: China's June exports hit by weak Western demand // *Asian Times*. July 14, 2023. URL: <https://asiatimes.com/2023/07/chinas-june-exports-hit-by-weak-western-demand/> (дата обращения: 04.09.2023).

³¹ 习近平. 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК] // 中华人民共和国中央人民政府. 16.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 04.03.2023).

³² 李勇慧. 乌克兰危机背景下俄罗斯对外战略调整及基本走势 [Ли Юнхуй. Внешняя стратегия России в контексте украинского кризиса: корректировка и основной тренд] // 俄罗斯东欧中亚研究. 2023 年. 第 1 期. 第 56–71, 155 页.

³³ 金灿荣. 世界变局的加速演进和中国外交面临的挑战 [Цзинь Цаньжун. Ускоряющаяся эволюция мировых изменений и вызовы, стоящие перед китайской дипломатией] // 国际论坛. 2023 年. 第 1 期. 第 27 页.

³⁴ Круглый стол «XX съезд КПК» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 6. С. 9–27. DOI: 10.31857/S013128120023532-6

прежде всего потому, что обеспечивал условия всеобщего глобального роста, а политическое лидерство США не оспаривалось. Для описания этой конструкции китайскими обществоведами тогда была предложена концепция «одна сверхдержава, много великих держав» (一超多强), соответствовавшая новым мировым реалиям.

Когда в 2008 г. мировая экономика вышла на траекторию спада, в действие вступили неэкономические инструменты. Санкции и торговые войны, направленные на перераспределение негативных последствий рецессии, стали разрушать основанный на рыночных принципах международный экономический порядок, и, чтобы сохранить свое лидерство, США были готовы пойти на его замену геополитическим. «Приручив» глобализацию, Китай постепенно выдавливал США с ведущего места в мировой экономике. На экономический вызов Китая США ответили своим конкурентным преимуществом — силой и влиянием.

Вашингтон подошел к соперничеству геостратегически. В соответствии с новыми внешнеполитическими задачами он выделил новый регион и стал насыщать его военно-политическими институтами, отодвигая на второй план экономические. В 2017 г. Д. Трамп впервые официально заявил о создании новой конструкции безопасности в рамках «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона»³⁵. В июне 2019 г. была опубликована Индо-Тихоокеанская стратегия США, главной целью которой провозглашалось недопущение увеличения влияния Китая в ИТР³⁶. Этот тезис был подтвержден в Стратегии национальной безопасности 2022 г., где уже указывалось, что определяющую роль в сдерживании КНР в ИТР играют партнеры США³⁷. Таким образом, США признали вызов Китая, но хотели удержать его в рамках региона и не позволить выйти на глобальный уровень.

Геополитика во внешней политике КНР

Теория «трех миров», с которой Китай вступал в реформы, была по своей природе геополитической, мироустроительной, естественной для эпохи соперничества двух общественных систем. Реформы и глобализация вытеснили геополитику из числа китайских приоритетов. Однако роль Китая в экономической глобализации и нараставшее в 2010-е гг. сдерживание Китая со стороны США вернули геополитику во внешнеполитический дискурс КНР.

Впервые после начала реформ геополитика в китайском внешнеполитическом дискурсе появилась в связи с процессами в Центральной Азии, где после распада СССР региональное пространство утратило упорядоченность и появились новые вызовы безопасности (силы «трех зол»). Участие Китая не вызывало противодействия со стороны России и стран региона, рассчитывавших на объединение усилий в борьбе с общим врагом³⁸. Создание ШОС обеспечило Китаю стабильность на «трех северных направлениях».

³⁵ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit // *The White House*. November 10, 2017.

URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-danang-vietnam/> (дата обращения: 18.10.2019); National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 14.12.2020).

³⁶ A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. United States Department of State. November 4, 2019.

³⁷ National Security Strategy 2022 // *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения 20.08.2023).

³⁸ 曾向红. 地缘政治博弈与中亚地区秩序 [Цзэн Сянхун. Геополитическая игра и порядок в Центральной Азии] // *当代世界*. 2022 年 第12 期, 第38–42页.

ях» и право голоса в формировании региональной повестки, показав пример геополитического сотрудничества в отдельном регионе.

Двустороннее сотрудничество со странами ЮВА, а затем и участие в асеаноцентричных форматах на фоне экономического роста расширяли присутствие Китая в другом сопредельном регионе, однако отношение к нему здесь было иным.

На рост экономического влияния Китая в Восточной Азии первыми отреагировали США, которые со второй половины 1960-х гг. накопили богатый опыт использования Китая в своей геополитической стратегии. Еще в 1967 г. Р. Никсон призвал вернуть Китай в международное сообщество, чтобы избежать его превращения в ревизионистскую державу³⁹. Через 25 лет при Б. Клинтоне была принята стратегия вовлечения и сдерживания⁴⁰, которая в разных интерпретациях определяла курс в отношении Китая на протяжении четверти века, до Д. Трампа. Сдерживание рассматривалось как способ остановить рост влияния Китая, не позволить ему создавать региональные институты сотрудничества, чтобы таким образом повысить эффективность вовлечения, распространив его на политическую сферу.

Распад биполярности сделал курс на равноудаленность неактуальным, открыв новые возможности для сотрудничества. Однако на этом этапе американская стратегия вовлечения столкнулась с непреодолимым препятствием: активно развивая экономические связи, Китай отказался от участия в предложенной США «стратегической двойке» (G2), сохранив независимость внешней политики. Перспектива долгосрочного геополитического взаимодействия пропала.

Возвращение США в Азию (2009 г.) стало поворотной точкой от вовлечения к сдерживанию и геополитическому соперничеству. Геополитический дискурс был усилен странами АСЕАН. Для сдерживания Китая ими в 2011 г. был создан формат ВАС, в который были приглашены США для сдерживания Китая и РФ — для сдерживания США⁴¹. В результате получилась классическая геополитическая конструкция, которая устанавливала баланс между экономическими выгодами от сотрудничества с Китаем и опасениями, связанными с его возвышением, — баланс геэкономии и геополитики, указавшей США основной вектор приложения сил. Ценой достигнутого на региональном уровне компромисса, таким образом, стало усиление геополитического соперничества.

Как только Китай по мировым меркам превратился в державу первого ранга, отношение к нему изменилось. Концепция «мирного возвышения» практически сразу вызвала озабоченность и подозрения, 10 лет спустя инициатива «Пояс и путь» — заинтересованность и поддержку. Инициированный изначально для решения внутренних экономических проблем, во внешнем мире проект был воспринят иначе: Китай предстал в нем не просто привлекательным партнером, который обеспечивает «взаимный выигрыш», а источником помощи и поддержки. Наиболее ярко рост его авторитета и влияния проявился в отношении к инициативе стран Африки и Латинской Америки, которые в первоначальных документах «Пояса и пути» отсутствовали, а затем появились в значительной степени по их собственной инициативе⁴², не оставив Китаю выбора. *Noblesse oblige*.

³⁹ Nixon R. Asia after Viet Nam // *Foreign Affairs*. 1967. Vol. 46. No. 1. Pp. 121–124.

⁴⁰ Тимофеев О.А. Китайско-американские отношения // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2016. С. 605–612.

⁴¹ Сумский В.В. Расширение ВАС: причины и следствия для России // *Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества*. М.: РИСИ, 2011. С. 68–72.

⁴² Впервые о том, что Африка является ключевым партнером Китая в проекте, было заявлено в мае 2017 г. на состоявшемся в Пекине форуме по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». См.: 共建‘一带一路’: 理念、实践与中国贡献 [Совместное строительство инициативы «Пояс и путь»: концепции, практика и вклад Китая] // 新华社. 11.05.2017.

Но не только США и развивающиеся страны втягивали Китай в орбиту геополитики. Весь мир возвращается в состояние нестабильности. Конфликт на Украине в новой форме возродил противостояние Восток-Запад и стал точкой формирования нового международного порядка⁴³. Первый вооруженный конфликт эпохи противостояния Китая и США, несмотря на внешне периферийный характер, неизбежно станет победой одной из сторон. Поражение России лишит Китай единственного союзника, а сохранение ее в качестве независимого центра силы укрепит Китай в противостоянии с США.

Наконец, изменился не только мир. На протяжении 60 лет Китай был самой большой развивающейся страной. В 2022 г. Китай уступил Индии место самой населенной страны и практически одновременно перестал относиться к развивающимся странам по экономическим показателям и, тем более, по совокупной государственной мощи. Это фактически признала КПК. На XX съезде Китай был назван «великой развивающейся» и «ответственной великой державой», 4 раза говорилось о развитии отношений с развивающимися странами и 8 раз об отношениях с великими державами, ясно указывая новые приоритеты и референтный круг.

Несмотря на эти исторического масштаба изменения, все внешнеполитические инициативы, которые были выдвинуты в предыдущий период («Пояс и путь», «Сообщество судьбы» и др.) сохранились, но возникло противоречие: мир изменился, а внешнеполитические концепции и ориентиры остались прежними. Отказаться от них, как в свое время от «пролетарского интернационализма», будет непросто — прежним ориентирам нужно будет дать новое наполнение.

Для приведения в соответствие экономического потенциала и международного статуса, соединения суверенитета и интересов экономического развития Китаю необходимо правильно расставить приоритеты. В мире геоэкономики выбор между развитыми и развивающимися странами был очевиден. В мире геополитики вопрос ставится по-другому: что важнее — иметь союзников или не иметь врагов? Поиск ответа на этот вопрос задал основные направления формирования новой внешнеполитической доктрины.

Главным направлением деятельности компартии на период стратегической неопределенности и, вероятно, главным рефрене XX съезда стало обеспечение национальной безопасности. Внимание к этому вопросу постоянно росло, особенно после 2013 г., когда был создан Комитет национальной безопасности. В докладе на XIV съезде — безопасность упоминалась 4 раза, на XV — 6 раз, на XVI — 14 раз, на XVII — 24 раза, на XVIII — 36 раз, на XIX — 55 раз, на XX — 91 раз (в т.ч. 29 — гос(нац)безопасность)⁴⁴. На XX съезде безопасность получила статус «основы национального возрождения». Съезд не указал, какими средствами Китай будет обеспечивать безопасность: при опоре на собственные силы или за счет союзов. С поиском ответа на этот вопрос связаны главные изменения в документах съезда.

Во-первых, исчезло положение о многополярности. Главным проявлением ревизионизма китайской внешней политики считалась критика однополярного мира и требование многополярности. Исключив тезис о многополярности, Китай не отказался от своей позиции, а, как представляется, перешел от политических деклараций и критики к политическому реализму. Переход к реальной многополярности связан в т.ч. с превращением в полноценные полюса современного миропорядка его ближайших соседей — Индии

URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/11/content_5192752.htm#1 (дата обращения 20.08.2023).

В том же году Панама первой из латиноамериканских государств официально присоединилась к МШП XXI в.

⁴³ 俄乌冲突对国际政治格局的影响 [Влияние российско-украинского конфликта на международный политический ландшафт] // 国际经济评论. 2022年. 第3期. 第38页.

⁴⁴ 张清敏. 二十大以后的中国外交: 理解与思考 [Чжан Цинмин. Китайская дипломатия после XX съезда: понимание и размышления] // 外交评论. 2022年. 第6期. 第9页.

и Японии, обоснованно претендующих на этот статус⁴⁵. В условиях нарастающей нестабильности появление новых полюсов многократно, если не качественно, усложнит как региональную, так и глобальную систему международных отношений, а для Китая превратится в вызов и источник конфликтов. На период неопределенности не многополярность, а «многосторонность» и «мирное сосуществование» будут обеспечивать переход к новому международному порядку. Эти понятия были зафиксированы в докладе съезду и в смысловом отношении заняли место «многополярности».

Во-вторых, на XIX съезде из доклада исчезло упоминание ШОС и БРИКС, на XX съезде они вновь появились. Сегодня трудно представить консолидацию третьего мира вокруг одного центра. Среди мировых экономик, представленных в G20, половина приходится на западные страны, противоречий между которыми не меньше, а связей друг с другом часто не больше, чем со странами Запада.

Для дееспособного многополярного мира нужны свои институты, в первую очередь финансовые (единая расчетная единица и система расчетов), и в наиболее чувствительных на сегодняшний день областях — продовольственной, цифровой, энергетической, транспортной — институты более эффективные, чем существующие МВФ, ВБ, ВТО и т.д. БРИКС и ШОС могут обеспечить ту многосторонность, которая не позволит появиться деструктивной многополярности. Новый банк развития БРИКС, АБИИ и другие финансовые институты подготовили условия для создания единой цифровой валюты, проект которой уже обсуждался на саммите БРИКС в Йоханесбурге в 2023 г. Выдвинув за последние годы целый ряд глобальных инициатив, Китай фактически уже приступил к созданию новых механизмов глобального управления. Через год после съезда Си Цзиньпин призвал ускорить расширение БРИКС⁴⁶, указав на центральное звено новой конструкции глобального управления западного мира.

После обострения отношений с США и возрождения противостояния Восток-Запад отсутствие у Китая союзников на внешней арене превратилось в недостаток. У американской политики сдерживания появились в этом контексте новые функции: не только препятствовать экономическому росту и развитию Китая, но и лишить его потенциальных союзников. Съезд не дал ответа на вопрос о союзниках, но, возможно, на него указал председатель КНР Си Цзиньпин, отправившись с первым государственным визитом после своего переизбрания на третий срок в Россию, а в октябре 2023 г. пригласив В. Путина в качестве главного гостя на Саммит «Пояса и пути».

Отсутствие принципиальных решений по внешней политике означает, что эта сфера по-прежнему будет строиться ситуативно, по принципу «практика — критерий истины». В изменившейся, агрессивной внешней среде Китаю необходимо научиться эффективно использовать не только сотрудничество, но и соперничество, подобно тому как это делали США и СССР в период холодной войны. В период стратегической неопределенности и отсутствия теоретического руководства естественным выглядит решение возложить персональную ответственность за принятие текущих решений на высшее руководство.

Дэн Сяопин, формулируя внешнеполитическую стратегию в начале 1990-х гг., призывал использовать существующие международные институты, а не создавать новые. Сейчас ситуация развивается в неблагоприятном направлении, чтобы переломить эту

⁴⁵ См., напр.: *Добринская О.А.* Экономическая стратегия Японии в Индии: проблемы и перспективы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 85–98. DOI: 10.31857/S013128120027130-4

⁴⁶ См.: Си Цзиньпин призвал ускорить расширение БРИКС // *Синьхуа*. 23.08.2023.

URL: <https://russian.xinhuanet.com/20230823/822edc2ba0224ad094bbd3a06f6eea8e/c.html> (дата обращения: 28.08.2023).

тенденцию, нужно действовать. Си Цзиньпин ясно это понимает: «Сейчас идут перемены, которых не было в течение ста лет. Когда мы вместе, то мы двигаем эти перемены»⁴⁷.

Торможение, которое Китай продемонстрировал в формулировании новой внешнеполитической стратегии на XX съезде, более длинный, но, вероятно, и более надежный путь к возрождению, что вполне соответствует главному лейтмотиву съезда — обеспечению безопасности и задаче выпрыгнуть из исторического цикла, в рамках которого «возвышаются быстро и погибают внезапно». Тем не менее съезд очертил контуры новой внешнеполитической доктрины в свойственном Китаю стиле: не выразил пока ее в категоричной форме, а лишь представил отдельные элементы.

* * *

На протяжении более 100 лет, со времен опиумных войн, Китай воспринимал внешний мир преимущественно как угрозу. После Второй мировой войны, когда экономическое сотрудничество и мировой рынок создали условия для реализации конкурентных и цивилизационных преимуществ, Китай «обрел себя» и, превратив внешние вызовы в шансы, начал «великое возрождение». В XXI в. мир вступил в эпоху новой конфронтации и в очередной раз бросил вызов китайской цивилизации, вовлекая ее в конфликтное существование, добиться успехов в котором ранее Китаю не удавалось. В большом историческом цикле нынешнее изменение отношений Китая с внешним миром по своему значению сопоставимо с победой КПК и образованием КНР, во многом явившихся реакцией на мировые вызовы.

Литература

- Азиатский поворот в российской внешней политике. Достижения, проблемы и перспективы / под ред. А. Торкунова, Д. Стрельцова, Е. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. 256 с.
- Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 7–19. DOI: 10.31857/S013128120026884–3
- Виноградов А.В. Китайский проект для Большой Евразии // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 1. С. 1–15.
- Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 23–32.
- Виноградов А.В., Трощинский П.В. На пути к новой формуле власти (Первая сессия ВСНП 14-го созыва 2023 г.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 7–23. DOI: 10.31857/S013128120026061–8
- Добринская О.А. Экономическая стратегия Японии в Индии: проблемы и перспективы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 85–98. DOI: 10.31857/S013128120027130–4
- Круглый стол «XX съезд КПК» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 6. С. 9–27. DOI: 10.31857/S013128120023532–6
- Ломанов А. На пути к «мирному возвышению» // *Россия в глобальной политике*. 2004. Т. 2. № 6. С. 204–209.
- Островский А.В. Экономика КНР: новые горизонты развития в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 41–54. DOI: 10.31857/S013128120025334–8
- Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 48–60. DOI: 10.31857/S013128120015120–3

⁴⁷ Си Цзиньпин — Путину: Сейчас идут перемены, которых не было 100 лет // *Российская газета*. 21.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/si-czinpın-putinu-sejchas-idut-peremeny-kotoryh-ne-bylo-100-let.html?ysclid=lmoyd4wxfl871096060> (дата обращения: 28.08.2023). Эту мысль Си Цзиньпин повторил на встрече с В. Путиным 16 сентября 2022 г. в Самарканде: «Перед лицом изменений в мире, в эпохе и истории Китай готов вместе с Россией прилагать усилия, чтобы показать пример ответственной великой державы, сыграть ведущую роль и привнести стабильность в мир, наполненный хаосом».

- Сумский В.В. Расширение ВАС: причины и следствия для России // *Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества*. М.: РИСИ, 2011. С. 68–72.
- Тимофеев О.А. Китайско-американские отношения // *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский*. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2016. С. 605–612.
- Шарипов Ф.Ф., Тимофеев О.А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2
- A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. United States Department of State. November 4, 2019. 32 p.
- National Security Strategy 2022 // *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 20.08.2023).
- Nixon R. Asia after Viet Nam // *Foreign Affairs*. 1967. Vol. 46. No. 1. Pp. 121–124.
- Petri P.A., Plummer M.G. East Asia Decouples from the United States: Trade War, COVID-19, and East Asia's New Trade Blocs. Peterson Institute for International Economics. Working Paper. June 2020. 35 p.
- 王岷生. 中国“韬光养晦”战略的再思考 [Ван Юйшэн. Переосмысление китайской стратегии «держаться в тени»] // *环球*. 2004年. 第7期.
- 邓小平文选 [Собрание избранных сочинений Дэн Сяопина] // 第三卷. 北京, 1993年. 429页
- 叶自成. 关于韬光养晦和有所作为——再谈中国的大国心态 [Е Цзычэн. О стратегиях «держаться в тени» и «заниматься реальной работой» — еще один взгляд на менталитет великой державы Китая] // *太平洋学报*. 2002年. 第1期. 第62–66页.
- 李铁城. 世纪之交的联合国 [Ли Течэн. Организация Объединенных Наций на рубеже веков] // 北京. 2002年.
- 李勇慧. 乌克兰危机背景下俄罗斯对外战略调整及基本走势 [Ли Юнхуй. Внешняя стратегия России в контексте украинского кризиса: корректировка и основной тренд] // *俄罗斯东欧中亚研究*. 2023年. 第1期.
- 刘华秋. 邓小平外交思想永放光华 [Лю Хуацю. Внешнеполитическая мысль Дэн Сяопина сияет вечно] // *邓小平纪念网*. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0815/c69113-25472007.html> (дата обращения: 08.02.2023).
- 刘春红. “韬光养晦, 有所作为”战略方针研究综述 [Лю Чуньхун. Обобщая исследования, посвященные стратегии «держаться в тени»] // *新远见*. 2012年. 第6期. 第36–40页.
- 倪峰达巍冯仲平张健庞大鹏李勇慧鲁传颖. 俄乌冲突对国际政治格局的影响 [Ни Фэн, Давэй, Фэн Чжунпин, Чжан Цзянь, Ван Пэн, Ли Юнхуэй, Лу Чуаньин. Влияние российско-украинского конфликта на международный политический ландшафт] // *国际经济评论*. 2022年. 第3期. 第38–67页.
- 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде КПК] // *中华人民共和国中央人民政府*. 27.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 01.07.2023).
- 习近平. 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК] // *中华人民共和国中央人民政府*. 16.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 04.03.2023).
- 胡耀邦在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告 [Полный текст доклада Ху Яобана на XII съезде КПК] // *中国共产党历次全国代表大会数据库*. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4526430.html> (дата обращения: 08.02.2023).
- 胡锦涛在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告 (全文) [Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (полный текст)] // *中国共产党新闻网*. 25.10.2007. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/104019/104101/6429414.html> (дата обращения: 08.02.2023).
- 张辉. 论“韬光养晦”战略与中国和平崛起 [Чжан Хуэй. О стратегии «держаться в тени» и мирном возвышении Китая] // *东南亚之窗*. 2010年. 第2期. 第37–43页.
- 张清敏. 二十大以后的中国外交: 理解与思考 [Чжан Циньмин. Китайская дипломатия после XX съезда: понимание и размышления] // *外交评论*. 2022年. 第6期. 第5页. 第1–21页.
- 金灿荣. 世界变局的加速演进和中国外交面临的挑战 [Цзинь Цаньжун. Ускоряющаяся эволюция мировых изменений и вызовы, стоящие перед китайской дипломатией] // *国际论坛*. 2023年. 第1期.
- 曾向红. 地缘政治博弈与中亚地区秩序 [Цэн Сянхун. Геополитическая игра и порядок в Центральной Азии] // *当代世界*. 2022年. 第12期. 第38–42页.

- 焦兵. 中国外交新思维:从“韬光养晦”到“有所作为” [Цзяо Бин. Новое дипломатическое мышление Китая: от «держаться в тени» к «заниматься реальной работой»] // 湖北社会科学. 2005 年. 第10期. 第101–103页.
- 祁怀高. 新中国70年周边多边外交的历程, 特点与挑战 [Ци Хуайгао. История, особенности и вызовы многосторонней дипломатии Нового Китая за последние 70 лет] // 世界经济与政治. 2019年. 第6期. 第43–64页.

The Outside World in China's Strategy after the 20th CPC Congress

Andrey V. Vinogradov

Dr.Sc. (Political Science), Head of the Center for Contemporary China Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000–0001–6080–4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Received 25.09.2023.

Abstract:

Since the beginning of reforms, China's economic development strategy has been aimed at integrating into the existing international economic order and establishing close cooperation, primarily with developed countries. China was able to effectively use the emerging opportunities of economic globalization and became the second economy in the world, unwittingly challenging the international order that emerged after the collapse of bipolarity. The expansion and deepening of trade and economic ties with most countries of the world and an independent foreign policy have led to increased tension in relations between China and the United States and, at the same time, to increased support for China from developing countries. As a result of economic crises and policies to contain China, the international order based on economic ties began to collapse and be replaced by a geopolitical one. The outside world, from being the most important source of China's development, which ensured the success of modernization and paved the way for the “Chinese Dream of Great Revival,” is turning into a source of major challenges and threats. The period of China's relations with the outside world, which began with the Opium Wars, is coming to an end. In the context of growing international tension and renewed East-West confrontation, the nature of China's relations with the outside world is changing, a new historical cycle of relations and a new stage in China's development are beginning.

Key words:

Geopolitics, geo-economics, China, the outside world, foreign policy, multipolarity, the XX Congress of the CPC.

Funding sources:

This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19–18–00142-P).

For citation:

Vinogradov A.V. The Outside World in China's Strategy after the 20th CPC Congress // Far Eastern Studies. 2023. No. 5. Pp. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043-8.

References

- Aziatskij povorot v rossijskoj vneshnej politike. Dostizheniya, problemy i perspektivy [The Asian turn in Russian foreign policy. Achievements, problems and prospects] / pod red. A. Torkunova, D. Strel'cova, E. Koldunovoj. M., Aspekt Press, 2022. 256 s. (In Russ.)
- Dobrinskaya O.A. Ekonomicheskaya strategiya Yaponii v Indii: problemy i perspektivy [Japan's Economic Strategy in India: Issues and Prospects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 4. S. 85–98. DOI: 10.31857/S013128120027130–4. (In Russ.)
- Kruglyj stol «XX s'ezd KPK» [Round table "XX Congress of the CPC"]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. No. 6. S. 9–27. DOI: 10.31857/S013128120023532–6. (In Russ.)
- Lomanov A. Na puti k «mirnomu vozvyscheniyu» [On the way to "peaceful rise"]. *Rossiya v global'noj politike*. 2004. T. 2. No. 6. S. 204–209. (In Russ.)
- Ostrovskij A.V. Ekonomika KNR: novye gorizonty razvitiya v 14-j pyatiletke (2021–2025 gg.) [The PRC Economy: Prospects of its Development in the Period of the 14-th Five Year Plan (2021–2025)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 2. S. 41–54. DOI: 10.31857/S013128120025334–8. (In Russ.)

- Salickij A.I.* Dva kontura: Kitaj otvetil na vyzovy 2020 goda [Two circuits: China has responded to the challenges of 2020]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2020. No. 3. S. 48–60. DOI: 10.31857/S013128120015120–3. (In Russ.)
- Sharipov F.F., Timofeev O.A.* Obostrenie kitajsko-amerikanskoj konkurencii po probleme miroporyadka: evolyuciya vzglyadov kitajskih uchenyh [Aggravation of China-US Competition on the Problem of the World Order: Chinese Scientists Views Evolution]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 2. S. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2. (In Russ.)
- Sumskij V.V.* Rasshirenie VAS: prichiny i sledstviya dlya Rossii [The expansion of EAS: Causes and consequences for Russia]. *Rossiya v ATR: problemy bezopasnosti i sotrudnichestva*. M., RISI, 2011. S. 68–72. (In Russ.)
- Timofeev O.A.* Kitajsko-amerikanskie otnosheniya [Sino-American relations]. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. / gl. red. S.L. Tihvinskij*. T. 9: Reformy i modernizaciya (1976–2009) / otv. red. A.V. Vinogradov; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M.: Nauka, 2016. S. 605–612. (In Russ.)
- Verchenko A.L.* Partijnaya diplomatiya vo vneshnej politike KNR: «Dialog KPK s mirom — 2023» [Party Diplomacy in China's Foreign Policy: "The CCP's Dialogue with the World — 2023"]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 4. S. 7–19. DOI: 10.31857/S013128120026884–3. (In Russ.)
- Vinogradov A.V.* Kitajskij proekt dlya Bol'shoj Evrazii [A Chinese project for Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnye processy*. 2021. T. 19. No. 1. S. 1–15. (In Russ.)
- Vinogradov A.V.* «Odnopolyarnaya Aziya»: kitajskij regional'nyj poryadok ["Unipolar Asia": the Chinese regional order], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 65. No. 3. S. 23–32. (In Russ.)
- Vinogradov A.V., Troshchinskij P.V.* Na puti k novoj formule vlasti (Pervaya sessiya VSNP 14-go sozyva 2023 g.) [On the way to a new formula of state power (The First Session of the National People's Congress of the 14th Convocation in 2023)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 3. S. 7–23. DOI: 10.31857/S013128120026061–8. (In Russ.)
- A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. United States Department of State. November 4, 2019. 32 p.
- National Security Strategy 2022. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 20.08.2023).
- Nixon R.* Asia after Viet Nam. *Foreign Affairs*. 1967. Vol. 46. No. 1. Pp. 121–124.
- Petri P.A., Plummer M.G.* East Asia Decouples from the United States: Trade War, COVID-19, and East Asia's New Trade Blocs. Peterson Institute for International Economics. Working Paper. June 2020. 35 p.
- 王岬生. 中国“韬光养晦”战略的再思考 [Wang Yusheng. Rethinking China's Strategy of “Keeping a low profile and bide your time”]. 环球. 2004年. 第7期. (In Chin.)
- 邓小平文选 [Selected Works of Deng Xiaoping]. 第三卷. 北京, 1993年. 429页. (In Chin.)
- 叶自成. 关于韬光养晦和有所作为——再谈中国的大国心态 [Ye Zicheng. On keeping a low profile and making a difference — Let's talk about China's great power mentality]. 太平洋学报. 2002年. 第1期. 第62–66页. (In Chin.)
- 李铁城. 世纪之交的联合国 [Li Tiecheng. The United Nations at the Turn of the Century]. 北京, 2002年. (In Chin.)
- 李勇慧. 乌克兰危机背景下俄罗斯对外战略调整及基本走势 [Li Yonghui. Russia's foreign strategic adjustments and basic trends in the context of the Ukraine crisis]. 俄罗斯中东欧中亚研究. 2023年. 第1期. (In Chin.)
- 刘华秋. 邓小平外交思想永放光华 [Liu Huaqiu. Deng Xiaoping's diplomatic thought will shine forever]. 邓小平纪念馆网. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0815/c69113-25472007.html> (accessed: 08.02.2023). (In Chin.)
- 刘春红. “韬光养晦, 有所作为”战略方针研究综述 [Liu Chunhong. Summarizing research on the “keep a low profile” strategy]. 新远见. 2012年. 第6期. 第36–40页. (In Chin.)
- 倪峰达 魏冯仲平 张健 庞大鹏 李勇慧 鲁传颖. 俄乌冲突对国际政治格局的影响 [Ni Fengdawei, Feng Zhongping, Zhang Jian, Pang Peng, Li Yonghui, Lu Chuanying. The impact of the Russia-Ukraine conflict on the international political landscape]. 国际经济评论. 2022年. 第3期. 第38–67页. (In Chin.)
- 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Xi Jinping. Report at the 19th National Congress of the Communist Party of China]. 中华人民共和国中央人民政府. 27.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (accessed: 01.07.2023). (In Chin.)

- 习近平. 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Xi Jinping. Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China]. 中华人民共和国中央人民政府. 16.10.2022.
URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (accessed: 04.03.2023). (In Chin.)
- 胡耀邦在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告 [Hu Yaobang's report at the 12th National Congress of the Communist Party of China]. 中国共产党历次全国代表大会数据库.
URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4526430.html> (accessed: 08.02.2023). (In Chin.)
- 胡锦涛在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告(全文) [Hu Jintao's report at the 17th National Congress of the Communist Party of China (full text)]. 中国共产党新闻网. 25.10.2007.
URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/104019/104101/6429414.html> (accessed: 08.02.2023). (In Chin.)
- 张辉. 论“韬光养晦”战略与中国和平崛起 [Zhang Hui. On the strategy of “hide your strength and bide your time” and China’s peaceful rise]. 东南亚之窗. 2010年. 第2期. 第37–43页. (In Chin.)
- 张清敏. 二十大以后的中国外交: 理解与思考 [Zhang Qingmin. China’s diplomacy after the 20th National Congress: Understanding and thinking]. 外交评论. 2022年. 第6期. 第5页. 第1–21页. (In Chin.)
- 金灿荣. 世界变局的加速演进和中国外交面临的挑战 [Jin Canrong. The accelerated evolution of world changes and the challenges facing China’s diplomacy]. 国际论坛. 2023年. 第1期. (In Chin.)
- 曾向红. 地缘政治博弈与中亚地区秩序 [Zeng Xianghong. Geopolitical Game and Central Asian Regional Order]. 当代世界 2022年. 第12期. 第38–42页. (In Chin.)
- 焦兵. 中国外交新思维: 从“韬光养晦”到“有所作为” [Jiao Bing. New thinking on China’s diplomacy: from “hide your strength and bide your time” to “make a difference”]. 湖北社会科学. 2005年. 第10期. 第101–103页. (In Chin.)
- 祁怀高. 新中国70年周边多边外交的历程, 特点与挑战 [Qi Huaigao. The history, characteristics and challenges of multilateral diplomacy with neighboring countries in the past 70 years since the founding of the People's Republic of China]. 世界经济与政治. 2019年. 第6期. 第43–64页. (In Chin.)